

J. Kazlauskas. Lietuvių kalbos istorinė gramatika (kiričivimas, daiktavardis, veiksmazodis).—Vilnius, «Mintis», 1968, 414 стр.

Работа ныне покойного И. Казлаускаса — первая в мировой лингвистике книга, специально посвященная исторической грамматике литовского языка. Не менее примечательно и то, что эта книга вышла в Вильнюсе и на литовском языке. И та и другая особенности имеют прямое отношение к содержанию; можно надеяться, что эта работа является лишь началом исследований в новом для лингвистики направлении.

Чтобы охарактеризовать место новой книги среди литuanистических исследований, последние, несколько схематизируя, можно распределить по трем группам: 1) изучение литовского языка в глубоком историческом и сравнительно-историческом, но почти всегда «одноаспектном» или «моногографическом» плане (глагол; акцентуация и т. д.): три фундаментальные монографии Х. Станга, капитальные работы Е. Куриловича, «Литовские этюды» Х. Педерсена, обобщающий этимологический словарь Э. Френкеля и мн. др. Особое место занимают здесь работы школы Ф. Ф. Фортунатова, труды Я. Эндзелина, плеяды молодых русских лингвистов: В. А. Дыбо, В. М. Илича-Свитача, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева; 2) «алгебраический подход», приведший к блестящим результатам в ряде известных статей Ф. де Соссюра и продолжений «Литовскими этюдами» и статьями Л. Ельмслера, а отчасти и Е. Куриловича (например, работой об ударении приставочного глагола); 3) изучение литовского языка в самой Литве на широком фоне диалектных разновидностей родной речи, как со сравнительно-историческим уклоном у К. Буги, так и главным образом в синхронном плане у П. Скарджюса и др., ср. коллективную академическую «Граматику литовского языка» (т. I, 1965), ср. также известную трехтомную грамматику Я. Остремского, а из последних капитальных трудов «Литовскую диалектологию» З. Зинявичуса (1966), монографию И. Палёниса «Литовский литературный язык XVI—XVII вв.» (1967), докторские диссертации В. Гринавецкиса «История фонетики жемайтских говоров литовского языка» (1970) и В. Урбюкиса «Словообразование имен существительных в современном литовском языке» (1971).

Работы И. Казлаускаса, так же как книга В. Мажюлиса «Балто-индоевропейские языковые отношения (деклонация)» (1970), образуют четвертое, во многом новое направление. В рецензируемой книге И. Казлаускас основывается на таких исходных положениях: 1) отказ от традиционных представлений сравнительно-исторического изучения о том, что «модель прошлых состояний

индоевропейского языка может быть отождествлена с моделью древнеиндийского и древнегреческого языков; другие индоевропейские языки, а литовский в особенности и во многих отношениях, сохранили столь же и даже более древние индоевропейские черты; 2) метод внешнего сравнения — классический метод сравнительно-исторической грамматики — должен поэтому во многом уступить место внутренней реконструкции (стр. 3, 39), среди методов которой важное место занимают и те типы реконструкции, которые разработаны в трудах де Соссюра, Л. Ельмслера, Е. Куриловича; 3) внутренняя «алгебраическая» реконструкция, однако, может стать доказательной и плодотворной лишь на основе широкого использования диалектного материала. Последнее положение, может быть, полное всего резюмирует главную особенность книги И. Казлаускаса — это историческая грамматика, принципиально и последовательно развиваемая на диалектной основе. Книга совмещает многие положительные черты других названных выше направлений и могла быть создана только человеком, в совершенстве владеющим живым материалом литовских говоров.

Разумеется, — и это отмечает сам автор, (стр. 3). — внутренняя реконструкция балтийских, как, пожалуй, и языков любой другой группы, в настоящее время еще далеко не достигла таких успехов, чтобы предоставить в наше распоряжение полную картину прошлых этапов системы литовского языка. Наиболее слабым пунктом остается относительная хронология. При таком состоянии лингвистики исследование, подобное работе И. Казлаускаса, неизбежно должно носить характер до некоторой степени «избранных глав». Заслуга автора в том, что избранные им главы действительно принадлежат к основным главам исторической грамматики литовского языка. Книга имеет три раздела: 1) «История ударения», 2) «История склонения имен существительных», 3) «История глагола». Первый раздел состоит из следующих глав-очерков: о характере литовского ударения и слоговой интонации; оттягивание ударения и его причины в северо-восточных литовских диалектах; оттягивание ударения и его причины в жемайтских диалектах и латышском языке; о доисторическом этапе в развитии литовского ударения; закон Фортунатова — де Соссюра; оттягивание ударения с краткостного окончания на аккутовый корень; оттягивание ударения с окончания на корень по другим причинам; отягивание акцентных парадигм литов-

ского языка к акцентным парадигмам других индоевропейских языков; развитие акцентуации глагола; изменение акутовых окончаний; остатки п.-е. *6. Во втором разделе кратко рассматриваются основные грамматические категории имени существительного, подробно — история дательного и инструментального падежей и комплекса местных падежей (инессива, иллатива, адессива, аллатива), а также родительного падежа единственного и множественного числа, именительного падежа множественного числа; отдельные очерки посвящены истории всех типов склонения литовского языка: основ на -o-, основ на -io-, -ižo-, основ на -(i)a- и т. д.; рассматриваются следы гетероклитического склонения, исчезновение класса корневых существительных с основой на согласный. Раздел «Из истории глагола» состоит из следующих очерков: о развитии индоевропейского глагола; развитие личных окончаний глагола; из истории настоящего времени (атематические глаголы; глаголы с основами, содержащими инфикс и суффикс -sta-); образование прошедшего времени; претерит с продленной ступенью; претерит со слабой ступенью вокализма корня; история будущего времени; история повелительного наклонения; история опатива, или сослагательного наклонения.

Все очерки связаны единой во многом концепцией автора. Подробности, детали, но также и некоторые узловые пункты этой работы, конечно, станут еще предметом разбора литуанистов. Мы же остановимся здесь лишь на магистральных линиях всей книги в целом.

Книга не случайно открывается разделом об акцентуации. Действительно, концепция литовской акцентуации есть то основное — если говорить не о методе, а о материале, — что объединяет всю книгу в единое целое. Не случайно и то, что далее наиболее подробно эта концепция разворачивается на материале глагола: во-первых, потому, что именная акцентуация постоянно была предметом тщательного исследования (начиная с классических работ Ф. де Соссюра, А. Лескина, А. Мейе, Н. Ван-Вейка и др. и кончая фундаментальными трудами Хр. Станга, В. М. Илича-Свитыча и В. А. Дыбо), во время как глагольная акцентуация в литовском изучена гораздо меньше и выдвигает перед исследователем все новые трудности; во-вторых, потому, что балтийский глагол, по сравнению с балтийским именем, — наиболее оригинальная часть балтийской системы, ср. знаменательное заключение В. А. Дыбо: «...сильно измененный характер морфологической системы глагола как в славянском, так и в балтийском... в значительной степени мешает прямому сравнению балтийской и славянской акцентных систем глагола. Это заставляет

обратить внимание на другую область языка, где при принятии определенных уточнений метода такое сравнение возможно»¹. И. Казлаускас же, следуя своему тезису о предшествовательности метода внутренней реконструкции, закономерно идет и в материале в противоположную сторону — к глаголу. Именно эту линию — одну из основных в работе — от акцентологии к системе глагола мы проследим более подробно. При этом последовательность рецензии лишь в основном совпадает с последовательностью очерков и идей автора. Но именно это позволит нам подчеркнуть основные черты авторского метода.

Просодическая система современного литовского (литературного) языка. Эта система состоит из «таких просодических оппозиций: оппозиция по месту ударения; по качеству ударения (слоговые интонации — *priegaidės*); по количеству (ударные и неударные слоги могут быть как долгими, так и краткими)» (стр. 5). На большей части территории центральных, северо-восточных и восточных (т. е. в целом — аукштайских) диалектов ударение в той или иной степени сливается с количеством гласного и, следовательно, становится количественным: ударными могут быть только долгие и полудолгие гласные и дифтонги (включая дифтонги с сонантами), краткие ударными быть не могут. В этих диалектах имеется только одна просодическая оппозиция — по месту ударения; интонации отсутствуют; дифтонги сохраняют следы интонационных различий, выражающихся теперь в продлении либо первого, либо второго элемента дифтонга; нет противопоставления слогов по количеству гласного. Эта область разделяется на две зоны. I зона (Сведасай, Дябейкай, Кулишкис и др.) характеризуется оттягиванием ударения с последнего краткого слога на предыдущий слог любого количества (в отдельных говорах этой зоны — только на предыдущий долгий и даже только на долгий, содержащий *ie, io, o*, но не *ai, ar* и под.). II зона (Сядува, Линкува, Валкай и др.) характеризуется оттягиванием ударения как с последнего краткого, так и с бывшего долгого (теперь полудолгого) на предыдущий слог любого количества (также с подразделениями по его количеству).

В жемайтских диалектах, по И. Казлаускасу, сосуществуют две просодические (фонетические) подсистемы: 1) подсистема динамического словесного ударения — оно приходится всегда на первый слог слова и выполняет кульминатив-

¹ В. А. Дыбо, Акцентология и словообразование в славянском, «Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации», М., 1968, стр. 150.

ную и делимитативную функцию, 2) подсистема политонического слогового ударения — в принципе каждый слог слова характеризуется слоговой интонацией. С фонологической точки зрения ударение в жемайтских диалектах разделяется на фонологическое и вне- или нефонологическое. Это противопоставление не совпадает, а пересекается с фонетическим противопоставлением и благодаря этому оказывается с ним в очень сложных синхронных отношениях. Фонетическим признаком нефонологического ударения служит его возможность передвигаться за границу слова — с имени существительного на предлог; «неотъемлемое» ударение, напротив, всегда является фонологическим. Оба типа ударения не находятся в дополнительном распределении, их распределение скорее лексическое: одни слова имеют один тип, другие — другой тип ударения. С диахронической точки зрения, или, что то же, при сопоставлении с литовским литературным языком эти отношения оказываются более простыми: слова, имеющие исконно акутовый ударный слог (*vārna* — жем. *vārna*, *sakau* < **sakāu* — жем. *sakāu*) или исконно ударный циркумфлексный, или краткий — неконечный — слог — (*raiką* — жем. *rāika*), имеют «неотъемлемое» и, следовательно, фонологическое ударение. Остальные слова не имеют фонологического ударения, но зато несут политоническое ударение на каждом слого.

Таким образом, по сравнению с литературным языком (геср. юго-западным аукштайтским диалектом) жемайтские диалекты характеризуются тенденцией к сильному динамическому ударению на первом слого слова, приближаясь к состоянию литовского, а аукштайтские — тенденцией к количественному ударению. Обе эти различные тенденции допускают, однако, обобщение: они связаны с общим сдвигом места ударения «влево» и с редукцией конечных слогов.

Реконструкция доисторической системы ударения. На основе этого обобщения и с учетом того, что как динамическое, так и количественное ударение вызывают редукцию конечных слогов, а литовский хорошо сохранил старые долготы в конечных слогах, И. Казлаускас подходит к реконструкции литовского ударения как тонового: «видимо, перед сокращением акутовых конечных слогов, — что следует считать первым симитомом начинающегося установления динамического ударения на всей территории литовского языка, — фонологическую и кульминативную роль играла мелодическая вершина слова» (стр. 29).

Положение о переходе от музыкального ударения к динамическому является центральным пунктом концепции И. Казлаускаса; с ним оригинально связываются все названные выше фонетические

явления; трактовка закона Фортунатова — де Соссюра (стр. 31—33); многоступенчатое ударение приставочных глаголов (стр. 67, 72), а через закон Фортунатова — де Соссюра и все другие, относящиеся к нему явления (акцентные кривые имени и проч., стр. 37—49).

Реконструкция морфологических парадигм оказывается, таким образом, закономерным следующим этапом работы, опирающимся на реконструкцию акцентных парадигм. Для глагола автор постулирует две исходные акцентные парадигмы — баритонную и окситонную и их нивелировку, слияние, в приставочных и возвратных формах глагола, причем для приставочных форм предполагается первоначально единая система ударения на приставке (стр. 95):

Простые глаголы	<i>ima</i>	* <i>šaukiū</i>
Возвратные формы	* <i>imasi</i>	* <i>šaukiasi</i>
Приставочные формы	<i>pīma</i>	<i>pāšaukia</i>

Эта реконструкция в дальнейшем органически связывается в освещении автора с историей личных окончаний (стр. 292 и сл.) и входит в историю морфологии.

Первым здесь изложение авторской концепции, чтобы обратить внимание на некоторые места ее фонетической части.

Классическое учение о балто-славянской просодии характеризуется тем, что можно назвать «принципом максимальной независимости» параметров: предполагается, что основные параметры просодии — 1) слоговые интонации, 2) долготы гласных, 3) ударение (последнее далее расчленяется на два параметра: 3а — разноместность (геср. одноместность) ударения и 3б — кульминативная и делимитативная функция), 4) структура слога (в частности, счет мор в нем) — не зависимы друг от друга и поэтому трактуются в значительной степени как «конструкты», довольно не зависимые от фонетической реализации (Ф. де Соссюр, А. Мейе, П. С. Кузнецов и др.). Заметна тенденция вычленять и другие независимые параметры. Не предпринимается вопрос о музыкальном или ином (динамическом, долготном) противопоставлении интонации и даже о направлении движения тона (или динамики) в них; этим объясняются излюбленные, намеренно не детализованные, термины французской школы (А. Мейе, А. Байан): *rude* «резкий» для акута, *douce* «плавный» для циркумфлекса. Не случайно также в ставшей классической работе «A propos de l'accentuation lituanienne»², де Соссюр подчеркнуто говорит не о слоге, а о «tranche vocallique», разделяя таким образом существенно разные параметры слога — его открытость — закрытость, общий счет мор

² BSLP, VIII, 1894. Перепечатано в кн.: F. de Saussure, Recueil de publications scientifiques, Genève, 1922.

в нем (включая согласные) и счет морфокалической части. Прозорливость Соссюра недавно снова подтвердилась (ср. убедительную трактовку начальных групп согласных в индоевропейском в известном инсбрукском докладе Е. Куриловича (1962)³; контрверсия И. М. Троицкий — С. Я. Лурье о трактовке конечных групп согласных в древнегреческом⁴). Это позволяет строить абстрактную и, следовательно, достаточно общую типологию. Так, для индоевропейской и балто-славянской эпох имелись, по предположению, интонационные различия и на ударных, и на безударных, но только долгих слогах (имеем в виду «классическую» интерпретацию П. С. Кузнецова и др.); в историческом славянском — сербско-хорватском имеются интонационные различия как на долгих, так и на кратких, но только на ударных слогах и т. д.

Применение исходного «принципа независимости», вероятно, позволило бы построить более простую типологию и для литературно-литовской просодии в ее отношении к аукштайтской и жемайтской. В системе же И. Казлаускаса просодические параметры слишком тесно и быстро — буквально с первых строчек книги, может быть, без достаточного предварительного этапа расчленения, увязываются друг с другом и с фонетической реализацией. Это, конечно, объясняется основным достоинством автора — его прекрасным знанием местных говоров, однако в конечном счете эти отношения выглядят слишком сложными и в некоторых пунктах остаются не вполне ясными для читателя. Предварительно раздельного определения понятий интонации (*priegaidės*), ударения (*kirtis*) не дается. По-видимому, автор склонен понимать под интонациями только то, что реализуется как мелодическое движение в пределах слога. Поэтому он отрицает существование интонационных различий в восточных и северо-восточных аукштайтских диалектах, признавая, что эти различия фонетически сохраняются как различия долгот разных частей дифтонга. Но в таком случае ставится под вопрос существование интонаций и в литературном языке, так как для многих (если не для большинства) носителей литературного языка интонационные различия связываются прежде всего с долготой и динамикой, а не с различиями в тоне. Заслуживал бы более подробного освещения и вопрос о несовместности некоторых просодических признаков. Как из-

вестно, Л. Ельмслев аргументированно утверждал, что «язык, имеющий одновременно слоговые „интонации“ и слоговые „ударения“ — система невозможная». В этой связи остаются некоторые неясные пункты в фонологическом статусе слоговых интонаций и ударений в жемайтском.

Различение долготы *tranche vocalique* и долготы слога в целом также, по-видимому, имеет смысл и для литовского, в частности в связи с реконструкцией ударения глагола. Имеются случаи отступления от постулированного И. Казлаускасом доисторического единого ударения на приставке для приставочных глаголов, не объясняемые его концепцией (т. е. позднейшим передвижением ударения с приставки на корень по закону Фортунатова — де Соссюра): при циркумфлекском корне в презенсе: *supj-ksta, prišlīstija, pašaukia* (И. Казлаускас опирается на более новый вариант *pūšaukia*), *pageĩda, atbunka* и др. (ср. в этой связи понятие «тяжелого корня» у А. Зенна⁵). С другой стороны, объяснению И. Казлаускаса противоречат также глаголы с инфинитивом на *-yti* и презенсом на *-o*, в которых ударение никогда не бывает на приставке, при циркумфлектированном и даже краткостном корне: *numatyti — numāto, laizyti — laizo*, лат. *laizīt — laizo*. Возможно, что здесь мы имеем дело с иным хронологическим пластом в глагольном словообразовании. (Ср. вывод В. Шмидта о том, что в прусском презенсы на *-ā* и инфинитивы на *-iti* не соединяются в парадигму⁶). Факты, не согласующиеся с предполагаемым И. Казлаускасом очень древним положением ударения на приставке, приводит А. Вайан: *prātemu* с кратким *a* против древнего *prātomē* с *ā* в имени, и некот. др.⁷

Все названные явления скорее не столько противоречат концепции И. Казлаускаса по существу, сколько требуют дальнейшего уточнения относительной хронологии принадлежащих сюда фактов.

⁵ L. Hjelmslev, *Accent, intonation, quantité*, «Studi balticis», 6, 1936—1937, стр. 22.

⁶ A. Sen n, *Handbuch der litauischen Sprache, I (Grammatik)*, Heidelberg, 1966, стр. 249.

⁷ W. P. Schmid, *Studien zum baltischen und indogermanischen Verbum*, Wiesbaden, 1963, стр. 5.

⁸ A. Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves, I*, Paris, 1950, стр. 228. Точка зрения А. Вайана на ударение приставочных глаголов вообще совершенно иная, чем у И. Казлаускаса. См.: A. Vaillant, указ. соч., II, Paris, 1966, стр. 550. Названная выше диссертация В. Гринавекса по истории фонетики жемайтских говоров, к сожалению, не могла быть здесь учтена.

³ J. Kuryłowicz, *Probleme der indogermanische Lautlehre*, «II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft», Innsbruck, 1962, стр. 110—111.

⁴ См.: С. Я. Лурье, К вопросу о греческом ударении, ВЯ, 1964, 1.

Первый шаг в этом направлении делает и сам автор (стр. 71), отмечая, что суффиксальные, инфиксальные, *-sta-* основные глаголы, а также глаголы с основой на *-ā-* и те глаголы с основой на *-ē-*, которые в настоящем времени имеют основу на *-ā-*, пережили в сравнительно недавнее время период большой продуктивности, с чем каким-то образом связано и то, что они не имеют ударения на приставке. Выделение указанных глаголов в иной хронологический пласт представляется очень убедительным. В этой связи следует заметить, что автор относит складывание этого пласта, по-видимому, к периоду после прекращения действия закона де Соссюра, но иллюстрирует его как раз теми типами (например *laikyti, laikyti*), которые сам де Соссюр избрал основной иллюстрацией действия открытого им закона. Таким образом, и здесь относительная хронология требует еще существенных уточнений. Имеются противоречащие факты и другого рода. В западноаукштайтских, близких к литературной зоне, диалектах отмечается продуктивный процесс дальнейшего — «справа налево» — продвижения ударения: ср. *priglaudžia > priglaudžia, išsiūnčia > išsiūnčia* ⁹. Ср. также упоминавшийся выше продуктивный переход *pašaukia > pašaukia*, ср. инфиктив *pavėsti* при *pavėda*. Между тем И. Казлаускас связывает с продуктивностью как раз неударное положение приставки.

Что касается самой общей причины, приводимой И. Казлаускасом для всей этой группы явлений, то, по-видимому, осторожнее все же было бы говорить лишь о несомненной д в у с т о р о н н е й связи, весьма тщательно описанной автором между (1) изменением характера ударения (от музыкального к динамическому и далее к жемайтскому или аукштайтскому типу) и (2) изменением места ударения — «сдвигом влево». По существу здесь речь идет о двух импликациях: а) «если (1), то (2)» и б) «если (2), то (1)». Причинную связь можно предполагать и от (1) к (2), и — для более позднего исторического периода — даже с большим основанием от (2) к (1). Ведь изменение характера ударения — не специфически балтийская черта, но и славянская, тогда как «метатония влево» при значительно меньшем размахе «сдвига вправо» — черта именно балтийская, в славянском же гораздо легче осуществляется «сдвиг вправо» ¹⁰.

⁹ Z. Zinkevičius, Lietuvių dialektologija, стр. 335.

¹⁰ Ср. предложенную В. А. Дыбо трактовку закона Фортунатова в рец. на кн.: Ch. S. Stang, Slavonic accentuation, сб. «Структурно-типологические исследования», М., 1962, стр. 225.

Вернемся теперь к изложению концепции И. Казлаускаса, чтобы отметить некоторые черты м е т о д а. Преимущественное место в том методе внутренней реконструкции, который столь интересно разрабатывает автор, занимает восходящий к литуанистическим работам де Соссюра парадигматический анализ, а в последнем важную роль у И. Казлаускаса играет понятие субморфа. Если ведущей в каком-либо изменении или новообразовании оказывается одна из форм парадигмы, например, форма какого-либо одного падежа, то ее морф, содержащий очаг изменения, будет основным, а соответствующий ему морф в других формах парадигмы, например в других падежах, — субморф (стр. 16, 32, 44 и др.). В применении к акцентологии понятие субморфа позволило автору сделать ряд интереснейших наблюдений. Он показывает, что в сев. среднежемайт. диалекте инструментальный падеж единственного числа *vārpa* имеет более сильное, менее редуцированное окончание (субморф), чем другие неударные окончания, например, винительный падеж единственного числа *vārpa* по той причине, что часть слов в той же форме парадигмы имела ранее ударное окончание (основной морф), ср. *rūnā*. В других случаях такой субморф может иметь более высокий тон. Обобщая это положение, автор убедительно использует его и для объяснения закона [Фортунатова — де Соссюра (стр. 32)].

В морфологических разделах книги автор пользуется (к сожалению, не формулируя его эксплицидно) по существу обобщением понятия субморфа в виде «субформы как целой словоформы парадигмы», словоформы, связанной отношением детерминации с другой или другими словоформами. Например, превосходно объясняется двойственность инфинитива, содержащего корень с акутовым вокализмом *ir, ēr*: акутовая интонация детерминирует долготу претерита *girtī — gūrē, kėli — kėle*, а краткий гласный дифтонга детерминирует краткость гласного презенса: *girti — giria* (стр. 353). Столь же отчетливо показана двойственность детерминации по линии переходность — непереходность у глаголов типа **verta: *virtu* (стр. 363) и многое другое. Раздел о морфологии глагола вообще вводит в научный обиход много нового материала, ясно и убедительно трактованного.

Как уже было сказано, мы ограничились здесь кратким разбором лишь одной линии этой богатой наблюдениями, фактами и идеями работы. Книга должна войти в круг чтения и изучения не только литуаниста, но и общего языковеда. Пусть эта рецензия, написанная еще при жизни автора, послужит теперь памяти о нем.

Ю. С. Степанов.